ПАМЯТИ АННЫ ЯБЛОНСКОЙ

Валентин КОЛОТ

БУКЕТ АННЕ ЯБЛОНСКОЙ

Я строку к строке
букетом —
На триумф и гибель Ани.
Вот — опять
"На смерть поэта"!
Ну когда же перестанем?
Сколько их еще, бутонов
Будет срезано нежданно?
Давят памятников тонны…
Помянём, собратья, Анну.
Я не верю в волю Божью
В судьбах
с горькими концами:
Всемогущий Бог
не может
Сговориться
с подлецами.
Убивают человечность
Те, кто жизни обрывает!
Впереди
у Анны Вечность,
Наша Вечность убывает.

Вера ЗУБАРЕВА

НА СМЕРТЬ АННЫ ЯБЛОНСКОЙ

Зима эту весть написала
Пером
Милосердья Сестры,
И аэроангел вокзала
Со мной прочитал
все навзрыд.
А мне говорили,
он строгий,
Иконно-надмирный летун,
И что укрепил себя
в Боге,
И с жизнью
и смертью в ладу.
А мне говорили, неведом
Ему наш земной недолёт.
А он оказался, как небо,
Что с ночи
без просыху льет…

Евгения КРАСНОЯРОВА

ОТ ОТЧАЯНИЯ

Холода-голиафы одеты в камлот и сатин.
Атакует зима, и камином уже не отбиться.
Примерзают к оградкам сугробов мучнистые лица,
поджимают деревья концы корневых паутин…

Заморожен в трубе горловой, сник стишок, измельчал.
По безмолвию, по стекленеющим птичьим повадкам
можно долго гадать, безнадежно теряясь в догадках,
сколько нас добредет до весны с головой на плечах.

…не летать в самолетах, не пить больше рюмочки в час,
отключить все каналы, прервать абортивные связи…
Сколько в карму не верь,
все равно этот путь — одноразов.

Кто там пялится сверху, базедовый выкатив глаз?
Кто там дышит на неба стекло и туманит его?
Шевелит пятернями? пускает слюну? Никого…

Галя МАРКЕЛОВА

ПЛАЧ ПО АНЕ ЯБЛОНСКОЙ

Я слушала Аню в кафе "Выход".

Теперь кажется, что это было очень, очень давно…

Не было еще ее доченьки, жива была ее мама…

Маленькая хрупкая девочка читала стихи, грустные стихи, но, несомненно, собственным голосом…

Мне помнится, что я успела сказать ее маме, какая у нее талантливая дочь, во всяком случае, рука еще удерживает ощущение ее тетради…

До-до-до — боли гуд
Дома — дома — Тут…
Деды, деды, принимайте-ка свою
язычницу —
Жертва — лучшее всегда, отличное.
Глядь, взметнулось прямо до небес
Золото волос… остального без…
Здесь, в сенях столетья двадцать
первого,
разметнулся порт… аэро,
разгулялись расхождения быта с верой
в До-мо-де-до-во…
Режиссирована не тобой премьера
кро-во-бре-до-ва…
Опоясанная поясом шахида,
зависть темная углём зрачка наводит
цель —
черную дыру встречай пролетом из
Аида…
О, Алла Акбар, того ль хотел?
Разве мудрость твоего послания
в Коране
Не любовь, а кровоточащая рана?
Может быть, не так уж и не прав
Рушди?..

*

Карабаса хлыст свистит исправно ли,
призрак кровной мести поднимая
из пыли?
Адских кукловодов умысел кручёный —
варвара, язычника в моей крови
зависти считалкой немудреной:
"*вышел месяц из тумана,*
вынул ножик из кармана
буду резать, буду бить,
с кем останусь я…" — здорово
вставляет? Но…
С кем о-с-та-ну-ну-ну… но…

*

Пусть минут меня
видения пророка из Патмаса, —
сказавшего давно, что,
встретив человека,
я убегу от ужаса, от стресса,
провидев зверя в сродном лике.

*

Застигнута, зажата между двух —
райской избранностью и рекрутством
адовым —
живу не так, пишу не то, что надо,
не вспоминая, что за Слово взыщет Дух.
Ах, девочка, какие там награды?!
Что нам призы,
когда слова прощенья
уж никогда не вымолит язык?

*

Как много слов ненужных и не тех
мы ради призрачных несем утех,
А ради красного словца
запутаны в сетях лукавого ловца,
так слов бессмертную основу
утрачиваем в слизи пустословья.
Прости, творец и праотец Адам,
приверженность к эрзац-словам!

*

Есть натуга ль
между Западом-Востоком?
Мир — зеркален, и одна в нем
петушится муть:
варварство везде жестоко,
всюду вскармливают мракобесье
вытяжкой из сатанинской смеси,
вольтова дуга искрит
между дворцом и хатой,
мир голодных поперхнулся
сытостью богатых,
и рождаются у нас, увы, не детки —
донорские органы
да стволовые клетки…
Жуть! Она же — немощной морали суть!
Вот и политолог подморгнул —
"смирись-ка,
новые теперь у жизни риски!"

*

Жуй ириски да живи в кромешном
страхе:
вход в метро — вступленье в мир
инакий…
Алчущая зрелища толпа —
дети малые, что вне добра и зла, —
вирус вколотой шизы ей
вакуумной бомбы пострашнее…
Фобос — спутник низкого Плутона
и понятно, из какой колоды
и какого тона,
а какой ее мусолит шулер
выпадает — жив ты или умер.
Выпадает, падает… увы…

*

Мы, увы,
мы — мухи мезозоя, влипшие в янтарь,
шебаршимся, увязая в дьявольском
отваре,
а не с нашей ли подачи лик врага
формировали
внешнего и внутреннего толка,
на толчке застигнутого и не только..?
А слюнявый юдофобства флёр,
не родной ли наш фольклор?

*

Что? Икается вам, выкормыши,
Зыхи и Рязани?
Ну, а с площади Тахрир в Каире
призрак Че какое шлет посланье?
Как мне больно, девочка, как стыдно
за "бомбиста", притаившегося
в этом мире.

*

До-до-до — над Соборкой — боли гуд…
Ангелы и серафимы
Богу бережно несут
рифмы, ритмы, рифы-рифмы…
Не статисткою в спектакле изуверском,
а предстательницей света, веры
там поешь, про то, как жаль коленок…
Что коленки?
Души ведь нетленны…
Все миры, что бусины на нитке,
общность — неопознанный каналец,
а поэт — поэт первопроходец
и посланец —
выдох губ на флейты полом теле —
жизни выдох — звуки полетели…
Подскажи, хоть стрелкой на коленке,
курс любви во взорванной вселенной.

13 февраля 2011 года

Анна ЯБЛОНСКАЯ

ПЕПЕЛ

Время и смерть — самые конкретные и осязаемые понятия, которые только бывают на свете.

Однажды мой друг всех предупредил о своем желании быть кремированным. В случае чего. Он ничем не болел, любил музыку, работал на сезонных работах: грузчиком, продавцом кукурузы, оператором фасовочного агрегата на макаронной фабрике. Однажды, чтобы накопить денег на подарок матери (близился юбилей), устроился на кладбище помощником гробовщика: копал, возил камни на старой железной тележке, ухаживал за могилами. Рассказывал, что там — на кладбище — хорошо и спокойно. Ему было чуть больше двадцати. О том, как его случайно убили майским утром на улице в спальном районе, долго писали местные газеты. Две пули — в голову и в грудь. История в духе американского боевика: бандитская группировка выслеживает и убивает свидетеля, который находится под охраной властей. В этот сценарий никак не вписывался мальчик, который шел делать укол котенку. Там, знаете ли, жил товарищ, а у товарища жил котенок, а котенку нужно было сделать укол… Вместо котенка — лужа крови на асфальте, судебная экспертиза, морг. Какая уже, собственно, разница?

Как просил — так и сделали. Под дурацкий аккомпанемент псевдоторжественной музыки (ему бы не понравилось) гроб водрузили на прилавок крематория. Вышел мрачный администратор и сообщил, что времени мало, а желающих много: так что, прощайтесь быстрее. У входа — очередь из мертвых.

Белый мрамор, черные ячейки, автоматизированные печи на пультах управления. Это были не похороны, а какие-то звездные войны. Межгалактический ритуал. Гроб медленно въехал в черную пасть печи вместе с телом человека и книгой, которую он любил… Мой друг был однофамильцем героя булгаковской "Дьяволиады".

Наверное, следовало развеять пепел над морем, но родственники настаивали на похоронах. Так индуистский ритуал скрестили с христианским. Маленький горшочек с прахом закопали в холодный чернозем. Было странно за всем наблюдать. Отверстие для глиняного горшка (ничего общего с живым человеком и памятью о нем этот сосуд не имел), выкопали не глубже ямки, подобные которым дети роют в песочнице для сокрытия своих кладов: цветных стеклышек, вкладышей, бусинок. Пепел закопали, как бусину. Сверху придавили камнем с именем и цифрами.

Прошло пять лет. У меня в жизни многое изменилось. Я окончила университет, покрасила волосы, сдала экзамены в автошколе. Мои родственники, давно не посещавшие могилу бабушки, попросили отвезти их на кладбище. Появился повод посетить камень.

За два рубля сторож открыл ворота, на которых висел знак "въезд запрещен", и я, не веря тому, что это происходит со мной, медленно вела автомобиль по широкой кладбищенской аллее. Для человека, недавно получившего водительские права, езда по кладбищу — то еще развлечение. Впрочем, транспорта тут хватало.

У церкви парковались автобусы. Рядом с ними томились похоронные распорядители, одетые то ли как гардемарины, то ли как потомки графа Калиостро. Черные плащи, треуголки, белые перчатки, воротники-воланы. Кому пришло в голову их так одеть?! Неужели дирекция бюро ритуальных услуг нашла данный костюм соответствующим случаю?

Ожидая, когда пассажиры вернутся в автобусы по окончании формальностей, связанных с понятием "последний путь", "гардемарины" играли в карты на старой треснувшей скамейке. Руки в белых перчатках резво выхватывали козыри и крыли ими шваль. Рядом двое пожилых людей — вероятно, муж и жена — мыли высокий мраморный памятник, то и дело опуская тряпки в эмалированное ведро. Памятник изображал молодую девушку. Год ее смерти совпадал с годом моего рождения. На постаменте значилась впечатляющая надпись: "Мы просто не можем в это поверить!".

Принимая во внимание, что я еду на машине по кладбищу, где люди в черных плащах играют в карты, а другие люди тщательно драят каменное изваяние, а в небе то и дело низко летают самолеты (рядом — аэропорт), мне тоже с трудом верилось в происходящее. Гораздо легче было представлять, что все это — продолжение фантастического сериала, съемки которого начались пять лет назад в крематории.

Итак, эпизод второй.

После посещения могилы бабушки (в результате чего выяснилось, что с надгробия украли облицовочную плитку!), мы отправились на могилу друга. Прошло полчаса, и я поняла, что заблудилась. Несколько десятков гектаров перенаселенного мертвецами поля и только один смутный ориентир (по памяти): большой черный прямоугольник с какой-то еврейской фамилией, и вот возле него — налево, а там уже дальше — где-то близко… Мне казалось, что я помню. Но я забыла.

Наконец мы увидели стелу с золотой надписью "Гольдберг" и свернули с главной аллеи. Несколько раз прошли по тропе мимо захоронения времен 2-й мировой. Вместо креста — выпуклая красная звезда. Вернулись обратно. Еще несколько кругов.

Я решила, что раз могилу друга сегодня найти не суждено, — букет белых цветов я оставлю незнакомому Михаилу Ефремовичу Гольдбергу, умершему в середине девяностых по неизвестной мне причине. Решили сделать контрольную проверку. И вот рядом с железной пятиконечной звездой я увидела пирамидальный камень, мимо которого прошла уже раз шесть. У основания пирамиды значилось имя моего друга и годы его жизни. В сумме — неполные двадцать четыре. А мне уже двадцать пять. Значит, я стала старше.

Над кладбищем снова пролетел самолет. Так низко, что мы разглядели обе замкнутых черных окружности — двухмоторный АН-24.

Самолет брал курс куда-то за море, вероятно, в теплые края. А здесь — на большом кладбище небольшого города — распласталась осень. Словно здоровенная собака на узком коврике у дверей в тесную квартиру.

Ее — осени — внутренний объем и неясная сила вдруг перевесили значение остальных символов. Здесь так хорошо пахло прелыми листьями и так четко угадывалось приближение холодов, и тем острее ощущалась последняя нежность солнца перед долгими зимними сумерками. Циферблат на запястье съедал и съедал мгновения. Здесь чувствовалось присутствие чего угодно. Чего угодно — только не смерти. Мы постояли у могилы, где лежал пепел, оставили букет и снова вышли на аллею. Мимо быстро прошел плачущий человек — где-то рядом только закончились похороны.

Все изменилось.

Смерть играла с осенью в прятки.

Мы сели в машину.

У кладбищенских ворот продавались желтые и белые хризантемы. Такие же точно цветы по осени мальчики дарят девочкам. Только без черных лент.

Всемирные одесские новости № 4 (68), ноябрь 2007 г.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.